

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК ВСЕВОЛОДА ОВЧИННИКОВА

А.М. ВАСИЛЬЕВ
Член-корреспондент РАН

В издательстве «Восток - Запад» вышел четырехтомник сочинений Всеволода Овчинникова. В первый том включены наиболее известные книги автора: «Ветка сакуры» (Рассказ о том, что за люди японцы) и «Корни дуба» (Впечатления и размышления об Англии и англичанах). Они воплощают его творческое кредо - создавать как бы путеводители по душе зарубежного народа.

Во второй том вошли книги «Вознесение в Шамбалу» (Сто дней под небом Тибета 50-х и 90-х) и «Своими глазами» (Путевые заметки о путешествиях по двум дюжинам стран от Новой Зеландии до Перу).

Третий том объединяет четыре документальные повести «Человек и дракон» (Противоборство с водной стихией как лейтмотив истории Поднебесной), «Цветы сливы» (Контраст кулинарных традиций

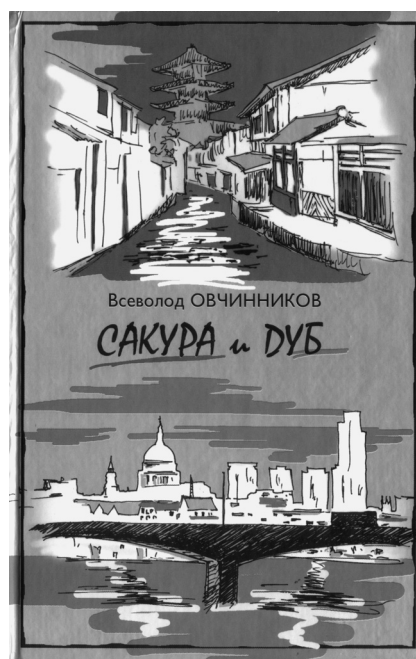
Китая и Японии), «Рождение жемчужины» (Как японцы превратили устрицу в домашнее животное), «Горячий пепел» (Хроника тайной гонки за создание атомного оружия).

Наконец, четвертый том составляет автобиографическая повесть «Калейдоскоп жизни» - полторы сотни экзотических, драматических и комических эпизодов личной судьбы, пережитых автором за 11 лет работы в Китае, семь лет в Японии и пять лет в Англии - и за всю его долгую жизнь.

Всеволод Овчинников всегда гордился своим главным призванием жизни - журналистикой. Однако уровень его журналистики таков, что его по праву считают одним из лучших писателей страны и серьезным, вдумчивым ученым-востоковедом.

Овчинникову выпала счастливая судьба. Ленинградский блокадник, участник Великой Отечественной войны, он штурмовал китайский язык в Военном институте иностранных языков, а затем проработал в «Правде» 40 лет.

Он - из тех, которые относятся

к журналистике не как к ремеслу, а как к служению, то есть всегда осознают свою ответственность перед обществом, перед своей страной, считают своим долгом помочь соотечественникам лучше понимать окружающий мир, смотреть на него без предвзятости, без идеологических шор, становиться зорче и мудрее, просвещеннее и добрее.

Задача журналиста-международника в наши дни вряд ли упростилась по сравнению с советской эпохой. Собственники средств массовой информации имеют более жесткие рычаги воздействия на авторов, чем когда-то секретари ЦК по пропаганде. Другая опасность - «цензура рейтинга». Чем больше читателей, зрителей и слушателей удалось привлечь - тем выше тарифы за рекламу, стало быть, - больше прибыли для владельцев СМИ. А человеческая натура, к сожалению, легче поддается низменным инстинктам. Поэтому насилие, секс, мистический бред, низкопробный детектив, частная жизнь тех или иных звезд доминируют на телеэкранах и в бульварной прессе.

Именно в этих условиях важна воспитательная роль серьезной, качественной журналистики, именно она призвана тянуть вверх планку духовных запросов, воспитывать вкусы людей, расширять их кругозор, стимулировать интерес к познанию окружающего мира, уважать других, а значит - уважать самих себя, становиться подлинным патриотом своей родины.

В книгах Всеволода Овчинникова воплощено его творческое кредо - вооружить людей правильной методикой восприятия зарубежной действительности. Суть ее такова: нельзя мерить другие народы на свой аршин, надо понимать, что наша история, наши ценности, наш менталитет отличаются от истории, ценностей и менталитета других народов. Наши стереотипы отнюдь не универсальны, как и грамматические формы нашего родного языка. Чтобы понять других, нужно изучать «грамматику жизни» этих других.

Когда Овчинников переквалифицировался из китаиста в япониста, коренное отличие в национальном менталитете этих двух народов натолкнуло его на мысль сопоставить их «грамматику жизни». Так родилась и воплотилась в книге идея создать как бы путеводитель по японской душе. Так появилась его «Ветка сакуры». Сам замысел его книги, выраженный в подзаголовке «Рассказ о том, что за люди японцы», был открытием для тогдашней публицистики. Да и тот факт, что «Ветку сакуры» опубликовал Твардовский в журнале, каждый выход которого становился событием в духовной жизни страны, несомненно усилил популярность книги и славу писателя. Дорогим откликом для него стали слова Константина Симонова: «Для нашего общества эта книга - такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы». За тридцать с лишним лет «Ветка сакуры» переиздавалась более 30 раз (в том числе и четыре раза в Токио). Японцы включили ее в антологию: «Три лучшие книги, написанные о нас иностранцами».

Добавлю от себя, что «Ветка сакуры» была открытием для наших читателей, для которых десятилетия и десятилетия Япония была врагом, японский дворянин-рыцарь самурай считался символом военной жестокости. Ведь подлинные слова песни «Над Амуром тучи ходят хмуро» звучали так: «И летели наземь самураи под напором стали и огня». Это сейчас детей учат петь «политкорректно»: «И летела наземь вражья сила под напором стали и огня». Разгромленная Япония в 60-е годы превращалась во вторую экономическую державу мира. Футурологи всерьез рассуждали о том, не станет ли она первой державой, потеснив Соединенные Штаты. И как раз в тот момент и появился рассказ Овчинникова о том, какие люди японцы.

Заранее оговорюсь, что я не во всем согласен с тем, как Всеволод Овчинников относится к своей задаче. Его позиция такая: если

ты пишешь о стране, ты должен любить ее, а любя, делать акцент преимущественно на положительных чертах того народа, о котором ты пишешь, оставляя за скобками какие-то негативные черты. Когда мне довелось в прошлом году трижды побывать в Японии, я волей-неволей смотрел на страну через призму книги Всеволода Овчинникова. Я искал и находил знакомые черты, подчеркнутые из «Ветки сакуры», но одновременно - по свойству своего характера идти другим путем - замечал и то, что Овчинников, сознательно или ненамеренно, что не так уж важно, просто игнорировал. Знаменитое «любование сакурой» - это действительно действо, определяющее душу народа, до предела урбанизированного, но который хочет любоваться вечной красотой природы. Все так, но одновременно это же любование превращается в массовое пьянство.

По своей физиологии японцы таковы, что напиваются достаточно быстро. Я мчался в вагоне первого класса сверхскоростного поезда из Токио в Киото. Проводницы, чтобы закомпостировать билет, опускались перед тобой на колени и что-то щебетали. А пассажиры, выпивая граммов сто сладковатой сакэ, которую они тепленькую купили тут же на вокзале, запивали эту порцию пивом, и достаточно быстро хмелили. Половина пассажиров была подшофе. Чрезмерная нагрузка японской жизни, вечная гонка за успехом требовали, чтобы люди снимали стрессы и таким образом. Я не видел ни безобразных драк, ни блевотины, но, по рассказам соотечественников, живущих в Японии, это случается, и нередко.

При общении с японцами многие из нас чувствуют некий «комплекс неполноценности». Японцы - перфекционисты. Если они что-то делают, то делают максимально добросовестно, качественно, доводят дело до конца. И нам, русским, этому свойству японского характера, несомненно, стоит поучиться. Недаром Япония производит самые

конкурентоспособные автомобили, хотя автомобиль был рожден в Германии еще в XIX веке и поставлен в XX веке на конвейер в США. Японцы уже впереди планеты всей по использованию нанотехнологий. Давайте восхитимся этим, признаем во многом превосходство японцев и попытаемся хоть чуть-чуть подражать им в дисциплине и качестве работы. Но даже вообразить невозможно, чтобы в каком-нибудь японском захолустье 100 лет назад учитель местной школы вдруг начал бы мечтать о межпланетных путешествиях, и не просто мечтать, а делать точные математические расчеты космических полетов. В Японии были самурай-интеллектуалы, которые могли 20 лет потратить на то, чтобы описать все особенности чайной церемонии, но появление в Японии своего Циолковского нельзя представить.

И еще. Японцы тактичны, вежливы, дружелюбны. Слишком знакомое для нас бытовое хамство в Японии вряд ли встретишь. Японцы вежливы по отношению к иностранцам, но, скажем откровенно, где-то в глубине души всегда считают себя выше иностранцев. И, если вспоминать прошлое, то японцы никогда не проходили через период самопокаяния за военные преступления, как большинство немцев - за преступления нацизма, жесточайший японский милитаризм в мозгах молодежи остается чем-то просто неизвестным. В храме Ясукуни нашли покой и души японских военных преступников, и ни одним словом в экспозиции храма, воспевающим героизм и самопожертвование японских военнослужащих, ни разу не упоминаются их преступления. Недаром каждое посещение японского премьера этого храма вызывает возмущение в Китае, Корее и других странах, оккупированных японцами до и в ходе Второй мировой войны.

Но не будем свою точку зрения навязывать выдающемуся востоковеду, писателю и журналисту. Он вправе видеть и описы-

вать мир так, как он считает нужным.

Овчинникову во многом помогло знание восточных языков, философии и культуры, что и стало основой его профессиональной компетентности. Когда ему было за 30, он взялся учить японский язык, уже освоив китайский. Лишь иероглифы в чем-то объединяют два языка. Но когда в Японии ему удалось расшифровать на картине или вазе иероглифическую надпись, принадлежащую кому-то из древних китайских философов, - это вызвало уважение собеседников-японцев, способствовало завязыванию контактов.

Овчинников - первый из наших соотечественников возложил цветы на могилу Рихарда Зорге в Токио. Он изучил материалы, связанные с удивительной жизнью советского разведчика, и запомнил и сделал своим девизом его слова: «Чтобы узнать больше, нужно знать больше других. Нужно стать интересным для тех, кто тебя интересуется». Чем компетентнее становился Овчинников, тем больше у него появлялось связей со знающими и интересными людьми.

В книге «Калейдоскоп жизни» Овчинников повествует о своих полувековых странствиях по свету и размышлениях об увиденном. Он рассказывает, как выжил в блокадном Ленинграде, как его едва не расстреляли жители глухого китайского села, приняв за диверсанта, как в Тибете, где интимная близость с чужеземцем высоко ценится, его приглашала во временные мужья местная знатная дама. Как он собственноручно выращивал жемчуг в Японии, как стоял рядом с филиппинским хилером, пока тот делал голыми руками свои операции. В этом потоке воспоминаний отразилось и многообразие мира, и дух времени, и личность автора.

Ускоряющийся процесс глобализации придает небывалую остроту проблеме сохранения национальной самобытности. В новом произведении Овчинникова проходит мысль, с которой автор

этой рецензии не может не согласиться. Становясь единой семьей, человечество должно избрать не принцип унификации, а фактически - навязывания американских стандартов, а принцип симфонизма, когда культура каждого народа сохраняет собственное, неповторимое звучание, словно музыкальный инструмент в гармонично слаженном оркестре. (Правда, замечу в скобках, тут же возникает вопрос, на который нет ответа: а кто будет дирижировать оркестром, чтобы симфония не превратилась в какофонию, и нужен ли вообще дирижер этому всемирному оркестру?)

Сочетание открытости миру и уважения к «другим», к «чужим» вместе с самоуважением и гордостью за свой народ и свою историю, без великодержавного чванства и узколобого национализма - вот что сделало труд журналиста, писателя и востоковеда Овчинникова востребованным.

Некоторые из посредственностей от журналистики и идеологии, завистники по натуре обзывали его «красно-коричневым». А он был честен и тогда, когда работал в «Правде», и тогда, когда вел «Международную панораму» на телевидении, и тогда, когда писал свои книги. С 1994 г. и поныне он - обозреватель «Российской газеты». В 1985 г. за свои сочинения он был удостоен Государственной премии СССР, в 2001 г. получил журналистскую премию «Золотое перо России», в 2006 г. - премию Правительства РФ для печатных СМИ. Кроме военных наград, имеет три ордена Дружбы - советский, китайский и российский. Помимо бесчисленного количества статей, заметок, репортажей, информации он написал 20 книг, которые разошлись общим тиражом более 7 млн экземпляров.

Четырехтомное издание было удостоено необычайной чести - его презентовал сам министр иностранных дел России Сергей Лавров. Тем самым справедливо на голову Всеволода Владимировича Овчинникова, которому сейчас уже за 80, был надет заслуженный им лавровый венок.